

— Такие важные вещи, как будущее и жизнь, лучше решать самому, полагаясь на других, можно дойти до того, что жить станет невозможно, — эти слова не входили в требования Оу Жэньцзиня. Но, глядя на Оу Шаовэня, который сдерживал все свои эмоции, сохраняя внешнее спокойствие, и говорил так, будто вся его жизнь находилась под контролем Оу Жэньцзиня, словно марионетка, добровольно отдавшая свои нити в чужие руки, он не смог удержаться и произнес это.

Оу Шаовэнь почувствовал странное раздражение. Ему снова было непонятно, почему эти люди постоянно приходили и наставляли его, словно с высоты своего положения, как будто советовали человеку, барахтающемуся в воде, поскорее отпустить спасательную доску. Они говорили, что нельзя долго полагаться на эту доску, она скоро уплывет, что нужно думать о будущем, готовиться к нему.

Зачем вообще думать о будущем? В его жизни будущее означало лишь бесконечные дни безрадостных страданий, пустоту, в которой нельзя было даже пошевелиться, мысли разлетались в разные стороны, словно в вакууме, среди бесцветных и беззвучных стен лаборатории. Какая польза от подготовки к такому будущему? Сейчас он счастлив, разве не достаточно просто ценить и наслаждаться этим?

Он повернулся и с искренним недоумением в голосе сказал:

— Когда нельзя будет больше полагаться на других, я найду способ жить без этого. Не волнуйся, я выживу, не умру. Сейчас мне достаточно знать, что каждый день, проведенный с Оу Жэньцзинем, приносит мне счастье и радость. Тебе, как человеку, который уже переехал с виллы, не нужно приходить и говорить мне такие вещи, ведь мы не так уж близки, правда?

Сяо Яо слегка опешил. Оу Жэньцзинь, сидящий перед монитором, медленно выпрямился и отодвинулся от экрана, откинувшись на спинку кресла.

За время, проведенное в этом мире, Оу Шаовэнь постоянно менялся. Например, сейчас его реакция на Сяо Яо была совершенно иной, чем на Цинь Инина.

На экране лицо Оу Шаовэня было спокойным и безразличным, совсем не таким, как в те моменты, когда он с восторгом смотрел на Оу Жэньцзиня. Оу Жэньцзинь вдруг почувствовал легкую боль в сердце. Он прижал руку к груди, опустил взгляд, и его выражение стало неразличимым.

Он редко испытывал подобные чувства, поэтому ему было трудно описать эту легкую горечь, распространяющуюся от сердца. Он чувствовал легкое сожаление, думая, что должен был дать Оу Шаовэню более комфортный и естественный сценарий. В нем также вспыхнула злость, вызванная словами Сяо Яо, которые он произнес по собственной инициативе. И, наконец, он ощутил легкую растерянность, потому что каждый ответ Оу Шаовэня выходил за рамки его ожиданий.

Он предполагал, что Оу Шаовэнь может, как Сяо Яо, преследовать свои цели, воспринимая все как игру, в которой оба понимают правила. Он также мог, как Ци Шуян, погрузиться в ловушку нежности, ревновать, завидовать и считать его своей собственностью.

Но когда он сказал «Не волнуйся, я выживу, не умру», в его голосе не было ни капли сарказма или самоуничижения. Это было произнесено с полным принятием и уверенностью.

То чувство, будто Оу Шаовэнь будто бы парит вне этого мира, снова возникло. Он был как корабль, дрейфующий в океане без цели, а Оу Жэньцзинь был для него лишь временной

стоянкой, где он мог остановиться, а затем снова отправиться в путь.

Горечь медленно поднялась в горле. Оу Жэньцинъ взял чашку с чаем, сделал глоток и почувствовал, что ему действительно стало не по себе.

На экране наблюдения Оу Шаовэнь уже спустился вниз и направился на кухню. Оу Жэньцинъ, по непонятной причине, не смог смотреть дальше и быстро закрыл страницу. Затем он взял телефон и отправил Сяо Яо сообщение, велел ему забрать свои книги и поскорее покинуть виллу.

На кухне тетушка Чжоу осторожно наблюдала за выражением лица Оу Шаовэня. Наконец, убедившись, что он действительно выглядит спокойно, она не выдержала и спросила:

— Ты... встретил мистера Сяо, когда он поднимался за книгами?

— Встретил, — ответил Оу Шаовэнь, ловко разделявая рыбу.

— Он подписал контракт с компанией Оу, поэтому неизбежно остались некоторые рабочие связи, — в такой ситуации тетушка Чжоу чувствовала себя неловко за Оу Шаовэня и хотела его утешить, но её слова звучали настолько формально, что она сама в них не верила.

— Да, — кивнул Оу Шаовэнь.

— Правда, я тебе скажу, Оу на первый взгляд кажется человеком, который поступает, как ему вздумается, но на самом деле у него есть свои принципы. По крайней мере, он никогда не изменяет, не заигрывает с двумя людьми одновременно. Если он перестает любить, то это окончательно, он четко разрывает отношения, прежде чем задуматься о новых. Так что ты... — тетушка Чжоу говорила всё это, но чем дальше, тем больше понимала, что всё идёт не туда, и хотела остановиться, чтобы дать себе пощечину.

— Понятно, — Оу Шаовэнь задумался над её словами и произнес это.

Боже мой, лучше бы он не понимал! Я просто сказала это на ходу, не думай об этом слишком серьезно! Тетушка Чжоу хлопнула себя по лбу, чувствуя себя крайне неудачницей. Казалось, она случайно оклеветала Оу Жэньцинъ и испортила его образ в глазах Оу Шаовэня.

На следующий вечер Оу Жэньцинъ, как и обещал, приехал на виллу, но провел в машине целых десять минут, прежде чем выйти. Он сам не мог сказать, о чем думал в эти десять минут. Иногда вспоминал, как Оу Шаовэнь стучал в его дверь, говоря, что хочет спать с ним, а потом вдруг представлял, как он схватил актрису за талию и легко поднял её на подоконник. В общем, в голове у него было настоящее столпотворение, и покоя не было.

Едва войдя в дом, он почувствовал аромат жареных ребрышек, смешанный с легким фруктовым запахом и насыщенным ароматом бренди. Пройдя чуть дальше, он увидел Оу Шаовэня, который ставил на стол блюдо с жареными ребрышками. Пряности и мясо наполняли воздух соблазнительным ароматом. Оу Шаовэнь посмотрел на него и, как его учили, слегка улыбнулся.

В этот момент Оу Жэньцинъ отвел взгляд, на мгновение задержавшись на блюде с фруктовыми ребрышками, прежде чем заговорить:

— Как вкусно пахнет. Видимо, ты перенял мастерство у тетушки Чжоу. Но разве ты не собирался сегодня жарить стейк?

— Да, я хотел пожарить стейк, но после того как столько раз тренировался, чтобы приготовить его для тебя, вдруг устал от этого и сегодня не хотел его делать. Тетушка Чжоу сказала, что ты тоже любишь ребрышки. Я приготовил их впервые, но, кажется, получилось даже лучше, чем стейк. Давай сегодня съедим это, хорошо?

Оу Жэньцзинь, привыкший в бизнесе к скрытым смыслам и необходимости улавливать их в словах других, тут же начал размышлять над словами Оу Шаовэня. Что он намекает? Выражает обиду? Или предупреждает его? Говорит, что он тоже не будет вечно терпеть, если его чувства будут игнорировать, что то, что раньше не ценили, не будет ждать вечно? Или что настоящие чувства прекрасны сами по себе, даже без подготовки?

— Что, тебе сегодня не хочется это есть? — Оу Шаовэнь наблюдал за его выражением лица. — Попробуй сначала. Если тебе не понравится, я приготовлю стейк.

Глядя на слегка беспокойное и ожидающее лицо Оу Шаовэня, он понял, что все его размышления были лишь самоистязанием.

— Нет, я хочу, — он поднял взгляд, пристально смотря на него, и медленно улыбнулся. — Подойди, покорми меня.

Оу Шаовэнь легко обрадовался. Он отрезал небольшой кусочек мяса, наколот его на вилку и поднес к его губам.

Оу Жэньцзинь взял мясо, слегка лизнул кончик вилки, и Оу Шаовэнь вдруг возбуждился, сел рядом и сунул вилку ему в руку.

— Теперь ты покорми меня.

Его поведение было немного детским, словно он ждал, когда ему дадут конфету.

— Хорошо, но только один раз, остальное ешь сам.

— А два раза нельзя? Я тебя тоже два раза покормлю, — попросил Оу Шаовэнь.

Оу Жэньцзинь не мог сдержать смех, но затем безжалостно покачал головой.

— Нет.

— Ладно, — он смотрел на него с горящими глазами, словно ожидая долгожданного сюрприза.

<http://bllate.org/book/16325/1473587>